

ОЛЬГА ВАЛЕНТЕЕВА

**АКАДЕМИЯ
БЕЗДАРНОСТЕЙ**

**МОСКВА
2023**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В15

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*
Иллюстрация на переплете *Л. Сова*

Валентеева, Ольга Александровна.
В15 Академия бездарностей / Ольга Валентеева. —
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Академия Ма-
гии).

ISBN 978-5-04-112032-0

В день шестнадцатилетия юные маги обретают свою силу. Но что делать, если она не проснулась, и теперь ты чужая в собственной семье, а любимый разорвал помолвку? Родители отправляют Мелани с глаз долой — в учебное заведение, которое в народе называют «Академия бездарностей». Там таким, как она, помогают адаптироваться к жизни без магии. Но и здесь есть свои секреты. Мелани ждут новые друзья и... смертельная опасность. Что же она выберет? Пламя или дождь?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112032-0

© Валентеева О.А., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Глава 1

ЧЕМ ДАЛЬШЕ В ЛЕС

— **Я** не поеду.

— Поедешь. — Отец смотрел на меня как на пятно на идеальном сюртуке — а он только такие и носил, чтобы складочка к складочке, стежок к стежку. — Поедешь, Мелани, или можешь убираться из моего дома.

Нет, я не стала плакать. Собственно, разучилась в тот день, когда поняла, что во мне нет ни грамма магии. Учитывая, что вся моя семья — сильнейшие маги королевства, звучит не очень-то, правда? С этого самого дня я стала чужой в собственном доме. Ни родители, ни сестры не стеснялись упоминать об этом по поводу и без. А мой жених, сиятельный Алден Роукин, тут же разорвал помолвку.

Обряд по определению типа магии проходил в день шестнадцатилетия, а сама сила просыпалась несколько позднее. Однако кристаллы под моими ладонями остались холодны и безжизненны. Не скажу, чтобы в нашей стране подобное случалось редко — все знали, что магия вырождается, а старухи

болтали, будто скоро ее не станет вовсе. Я не слушала слухи и сплетни, пока на собственном опыте не убедилась, что даже в нашем роду можно оказаться обычным человеком.

Родители давно обсуждали мою судьбу. И все чаще они склонялись к решению, которое саму меня пугало до безумия. Среди магических школ и академий была одна особенная. Она занималась обучением таких бездарностей, как я. Давала знания, которые помогали в быту, потому что без магии в нашем все еще насквозь магическом мире порою приходилось туговато, особенно в высшем свете, потому что маги занимали руководящие должности. Маги трудились при дворе, и маги же всегда и во всем были главными. Что оставалось нам? Довольствоваться низшими должностями и не стремиться к высшим.

На достойный брак я тоже рассчитывать не могла — маг не возьмет меня в жены. Оставалось надеяться на партию с каким-нибудь чиновником средней руки, а то и вовсе родители найдут кого-то, кто согласится забрать непутевую дочь с глаз долой.

Так вот, академия... Она находилась на самой окраине королевства. Я слышала, это было унылое место, которое стремилось не научить, а оградить высокородных родственников от их непутевых детей, племянников и так далее хотя бы на годы обучения — визиты домой на каникулах не предполагались. И последние два года я очень боялась, что отец таким образом избавится от меня. Как оказалось, не зря.

— Не смотри на меня так, будто я отправляю тебя на плаху, — заметил дражайший родитель, сведя к носу густые, начинавшие сесть брови. — Наследница рода Хелкотов должна получить лучшее образование, а двери других учебных заведений для тебя закрыты.

— Можно было бы нанять частных учителей... — начала было я.

— Помолчи! — гаркнул отец. — Твои вещи уже собирают. И не вздумай вытворить что-то... в своем духе.

Да, я не сразу смирилась с положением дел. И отвращение родных, и разрыв помолвки с Алденом стали для меня жестоким ударом. Если кто-то рассчитывал, что шестнадцатилетняя девчонка достойно встретит пинок судьбы и смирится с тяжелой участью, он ошибался. Я не смирилась. Старалась найти хоть какой-то выход, бунтовала, не желала сидеть в своей комнате, как больная, когда к нам приходили гости. Не молчала, опустив глаза. Я продолжала жить и не собиралась опускать руки. Но академия бездарностей? Оказаться запертой на три года под бдительным присмотром жестоких профессоров? Потому что о них тоже ходили разные слухи. И порою очень пугающие! Нет, не хочу!

— Раз ты настаиваешь, я уйду из дома, — сказала я отцу.

— И куда же ты отправишься? — поинтересовался тот.

— Куда угодно. Найду работу, буду зарабатывать честным трудом. Я разбираюсь в бухгалтерии, смогу устроиться к кому-нибудь экономкой или...

— Молчать! — На лбу отца угрожающе вздулась багровая венка. — Немедленно! Ты слышала меня? Немедленно собираешься, и чтобы утром была на пути к академии. А додумаешься сбежать, так я тебя из-под земли достану, не будь я лучший сыщик королевства!

Да, поисковой магии папеньки можно было только позавидовать. Его ценили при дворе, и пока считали меня завидной наследницей, чуть ли не пылинки с меня сдували. Как же изменчиво чужое мнение!

— Все равно найду, — повторил тот, глядя на меня сурово. — Пошла!

Я подхватила юбки и выбежала из комнаты. Было больно и обидно, в груди жгло, а в глазах стояли невыплаканные слезы. Хорошо, поеду! Поеду и докажу, что даже с академией бездарностей справлюсь! А если кто-то сомневается, его проблемы!

Слуги уже торопливо собирали вещи, пряча от меня глаза. Я прошла в оранжерею, спряталась на скамейке, утопавшей в экзотических цветах, и все-таки заплакала. Беззвучно, безнадежно. А потом пошла собирать свои сокровища. Это были любимые томики стихов Бертрана Борнелла, несколько украшенных-безделушек, которые дарили друзья на памятные даты. Конечно, когда у меня еще были друзья. И тонкое серебряное колечко на цепочке — первый подарок Алдена. Мы познакомились с будущим су-

пругом, когда ему было четырнадцать, а мне двенадцать, быстро подружился, а потом меня угораздило влюбиться в него. Я радовалась, что стану его женой. Однако радость быстро иссякла. Алден отказался от меня. Сначала я не верила. Думала, что на этот шаг его толкнули родители, поэтому сбежала из дома, чтобы встретиться с ним. А он достаточно быстро дал понять, что решение принял сам и я ему больше не нужна.

С тех пор я сняла с шеи колечко, которое стало мне мало, поэтому и носила его как кулон. Уничтожила все письма Ала, все подарки, а этот так и не смогла. Глупая...

— Леди Хелкот, как же так... — заглянула в комнату старая служанка, которая нянчила меня еще ребенком.

— Вот так, Лидия, — вздохнула я, пряча кольцо. — Помолись обо мне светлым девам, пусть пошлют счастливый путь.

Добираться в академию предстояло две недели, и это будет не самое веселое время.

— Ох, горюшко!

Служанка покачала головой и ушла, а я осталась одна. Последняя ночь в родительском доме пролетела без сна. Сестры попрощаться не заглянули. Они обе были младше меня, им еще только предстояло выбрать место обучения в следующем году, поэтому они останутся дома, а я...

Нет, хватит! Больше никаких сожалений! Но горько было расставаться со всем, что я так любила.

А в глубине души я чувствовала стыд, будто подвела родителей и как-то провинилась. Отделаться от него до конца так и не получилось.

На рассвете я стояла на пороге нашего столичного особняка. Ни мать, ни отец не появились, но я видела их силуэты за занавесками окна. Видимо, хотели убедиться, что проблемная дочь уехала, а не устроила очередную каверзу. Убедились? Значит, можно ехать.

Дорожный экипаж уже ждал у ворот. Слуги закрепляли багаж. Ехала я одна — слуги или компаньоны в академию не допускались. Кучер, пожилой черноглазый мужчина, поглядывал на меня неодобрительно. Видимо, тоже знал о моей проблеме и считал виновницей родительских бед. Я с гордо поднятой головой села в экипаж, помахала рукой закрытой занавеске, за которой, возможно, все еще стояли родители, и заскрипели колеса, знаменуя новый этап в моей судьбе.

Мы долго пробирались по столичным улочкам, а затем выехали на широкую проселочную дорогу. Тут-то и пригодились книги. Я почти все время читала, потому что разговаривать было не с кем, а спать не хотелось. Мы останавливались на крохотных станциях, перекусывали и продолжали путь — видимо, кучеру приказали спешить. Большую часть ночей я тоже проводила в экипаже. Лишь раз в три-четыре дня снимали комнаты на постоялом дворе, чтобы я хотя бы могла принять ванну и умыться. Мне казалось, что без должного ухода

мои каштановые волосы стали напоминать паклю, а ходить я и вовсе разучилась. Но кучер не желал слушать возражений.

— У меня приказ, леди, — бубнил он и увозил меня все дальше от дома.

Однако все рано или поздно заканчивается. Подошел к концу и наш путь. Две с половиной недели спустя на горизонте появились горы, а среди них чернели башенки замка. Мне вспомнились рассказы, что академия стоит над пропастью и бывали случаи, когда студенты срывались туда и ломали себе шеи. Вряд ли о них кто-то тужил...

Экипаж остановился.

— Вещи отсюда заберут, — пояснил кучер. — А вы ступайте дальше сама.

Сама... Чувство одиночества давило все сильнее. Тем не менее я покорно вышла из экипажа и зашагала по дороге, уходящей в гору. Под ноги попадались камни, один раз я чуть не упала, но все равно упрямо шла вперед. Когда обернулась, экипажа уже не было. Какая чудная академия! Ни экзаменов тебе, ни переживаний: поступила, не поступила. Похоже, особо слабые студенты отсеивались на пути в альма-матер. А кто добирался до ворот, мог принимать поздравления и спешить на пары.

В очередной раз подвернув ногу, я толкнула носком ботинка камешек и от злости притопнула. А затем ускорила шаг. За спиной что-то зашелестело. Я обернулась и увидела, как камешки и камни собираются в огромную фигуру. Ой...

— Извините, — пробормотала я, а затем бросилась бежать. Ох, давно не бегала с такой скоростью! Все время казалось, что каменный великан догонит меня и раздавит. Обернулась — он шагал за мной, и из-под каменных ног летело крошево.

— Я не хотела вас обидеть! — крикнула я, не сбавляя шага. Но дорожка шла выше и выше, я начала задыхаться. Споткнулась, упала на колени, обдирая ладони и коленки, пачкая подол дорожного платья. Неужели сейчас придет конец моей короткой жизни?

Тень нависла надо мной. Я поднялась и развернулась, решив лицом встретить гибель, а каменный голем протянул ко мне неживую серую руку. На ней лежал алый конверт, на котором было написано: «Пропуск».

Ой... Кажется, у страха глаза велики. Я забрала конверт, пробормотала «спасибо» и уже медленнее продолжила путь. Благо ворота оказались совсем близко. А на подвесном мосту, ведущем к ним, толпились люди. Юноши и девушки, не так мало, как я могла предполагать, — человек двадцать минимум.

— За мной будешь, — обернулась ко мне красивая блондинка в синем платье и плаще с мехом.

— Хорошо.

У меня не осталось сил сопротивляться или пытаться выяснить ситуацию. Я просто села прямо на мост и обхватила колени руками.

— Что, долго добиралась, да? — А вот блондинка оказалась из словоохотливых. — Мне повезло, я в двух днях пути живу. Эвелина.

— Мелани, — представилась я в ответ. — Да, я приехала из столицы.

— О, недурно! — заулыбалась девушка. — Небось, и принца видела, и короля?

— Видела, — сказала я, раз уж ей так интересно.

— И как? — Глаза девушки сияли неподдельным интересом.

— Обычные маги.

А с наследным принцем я даже как-то танцевала на балу. Мне тогда было пятнадцать, и хотя бы год я наслаждалась жизнью остальных юных девушек. Принц Вильгельм был очень учтивым юношей и грозился отвоевать меня у Алдена. Сейчас он бы и здороваться не стал. Но в королевской семье была своя беда: старшего сына короля убили заговорщики, и Вильгельм в четырнадцать лет вдруг стал наследником престола. И врагу не пожелаешь... Не титула, конечно, а потери близкого человека. Я слышала, что братья были дружны.

Возможно, моя новая знакомая спросила бы еще о чем-то, но наше внимание привлекли новые появившиеся студенты. В отличие от нас, они были верхом. Двое юношей прыгнули с черных коней, и те развеялись туманом. Магия? Но как? Или они не студенты, а преподаватели?

Но нет, юноши подошли к нам, непохожие как ночь и день. Один темноволосый, с носом горбинкой, плотно сжатыми губами и тяжелым взглядом карих глаз. Второй рыжий, как луч, с забавными веснушками на носу и веселыми зелеными глаза-

ми. Но познакомиться мы не успели — будто руководство академии только и дожидалось этих двоих, потому что сразу же заскрипели и распахнулись ворота.

Я ожидала чего угодно, только не того, что из ворот высунется драконья морда.

— А, студентики, — пророкотала голова — тело нам до сих пор не было видно. — Вкусные? Хорошо дома питались?

Первые ряды тут же пожелали стать последними. Какая-то девица с размаху встала мне на ногу и даже не подумала извиниться. А я смотрела на дракона, как на ожившее чудо. Он был такой красивый! Золотистые чешуйки с красноватым отблеском, большие зеленые глаза с вертикальными зрачками, ярко-оранжевый гребень. Казалось, что в каждой чешуйке отражается скупое сегодня солнце.

— А говорят, что кровь дракона способна наделять магией даже таких бездарностей, как мы, — задумчиво проговорила Эвелина.

— Но мы же не будем это проверять?

— Как знать.

И блондинка воззрилась на дракона с тем же гастрономическим интересом, с которым он глядел на нас. А предмет обсуждения, похоже, обладал идеальным слухом.

— Эй, милочка! — Он дыхнул паром, и передние ряды усилили отступление. — Не распространяйте сплетни. А раз такая смелая, подойдите-ка ко мне.

Надо проверить, действительно ли у вас нет магии. А то еще занесете какую-нибудь магическую заразу в нашу академию.

Эвелина ошеломленно пошла вперед. Я поторопилась за ней — мне тоже хотелось взглянуть на волшебное существо вблизи. Драконов во всем мире осталось крайне мало, каждый был наперечет. Интересно, конкретно этот — кто он? Не припомню в книгах золотистых особей.

— Добрый день, — звонко проговорила моя новая знакомая, бесстрашно глядя на дракона.

— Имя? — рявкнул тот.

— Эвелина Дорсет, — ответила она. Никогда не слышала об этом роде... Зато, кажется, слышал дракон, потому что проговорил, приглядываясь к Эвелине:

— А, помнится, у нас побывал твой старший брат. Как, жив, негодник?

— Жив и благополучен, — заверила девушка. — И даже передал вам обещанный набор зачарованных колб из ледяного стекла.

— Еще бы он не передал! — Дракон снова дыхнул дымом. — Мои-то разгрохал! Протяни руку.

Эвелина вытянула ладонь вперед, и раздвоенный язык коснулся ее запястья.

— Магии нет, — подтвердил привратник. — Добро пожаловать в Северную безмагическую академию, леди. Следующий!

Эвелина протиснулась мимо дракона в ворота, а я подошла ближе.

— Имя! — Два зеленых глаза блеснули, словно изумруды.

— Мелани Хелкот, — ответила я.

— У-у-у, Хелкот без магии — жалкое зрелище, но мы все равно рады, — заверил дракон. — Руку.

Когда его язык коснулся моей кожи, будто легонько ударило током. Во мне даже затеплилась надежда, но безжалостный ящер мигом ее оборвал:

— Ни капли магии, проходите, леди, вы приняты. Следующий!

Я бочком вошла в ворота, занятые драконьей тушей, и наконец-то смогла разглядеть вид сзади, так сказать. Золотые чешуйки постепенно переходили в алые, а хвост казался огненно-рыжим. Гребень же из оранжевого переходил в светло-желтый. Выглядело мило. Дракон был размером с три экипажа, подобных тому, на котором я прибыла.

— Мелани, сюда! — позвала меня Эвелина.

Точно, я же стою и загораживаю кому-то проход. Я поторопилась отойти в сторону и только сейчас обратила внимание на замок. Да, издалека он казался гораздо меньше! А сейчас черная громадина нависала над нами, щеголяя зубцами башенок и бойницами окон. Я насчитала пять башен. Интересно, жилые комнаты тоже находятся внутри? Или есть отдельное общежитие?

А к нам постепенно присоединялись новоиспеченные студенты. Все сначала глазели на дракона, потом на замок. Последними вошли те двое пар-

ней, которые прибыли верхом. Только тогда ящер развернулся и сверкнул глазами.

— Повторюсь, рад приветствовать вас в Северной безмагической академии, — пророкотал он. — Вы доказали, что лишены магии, и это позволяет вам начать обучение на первом курсе. Всего курсов три. Самые одаренные студенты смогут остаться на дополнительный четвертый год.

Можно подумать, кому-то этого хочется...

— Забыл представиться. — Дракон забил хвостом. — Ректор безмагической академии Сальван Голд. Можете обращаться ко мне «лорд ректор» или просто «ректор», я не гордый, не обижусь. А теперь марш за мной, цыплята! Покажу, где вы можете отдохнуть с дороги, а потом вас ждет очень насыщенный вечер.

И дракон взлетел, обдав нас воздухом. Кто-то вскрикнул, а я подставила лицо ветру. Надо же, а это начинает становиться любопытным!

Глава 2

СЕВЕРНАЯ БЕЗМАГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

Внутри черного замка было довольно прохладно. Если и в жилых комнатах так же, придется спать одетой. Об этом я думала, следуя за ректором. Интереснее всего было взглянуть, как дракон будет себя чувствовать внутри замка, но холл был про-

сто огромным, арки дверей — настолько высокими, что в них мог протиснуться не только дракон, а даже пара. Его крепкие когти стучали по паркету. Наверное, паркет приходится менять часто...

— Вот она, наша академия, — вещал ректор, следуя к широкой лестнице. — Здесь находятся залы для общих лекций, на втором этаже — для практикумов и семинаров.

— А где мы будем жить? — спросил один из студентов.

— В подвале, — на полном серьезе ответил дракон, и энтузиазма у нас, желающих грызть гранит науки, поубавилось.

— Шучу, — захохотал смех ректора. — Жилые комнаты находятся в трех башнях.

— Но башен же пять, — не сдавался студент.

— А преподаватели, по-вашему, нигде жить не должны? И одну занимаю лично я, туда вам вход строжайше запрещен, даже если замок будет гореть, а потолок — рушиться на ваши пустые головы.

— Почему это пустые? — возмутился кто-то.

— Потому что их еще ничем не наполнили, — заявил дракон, останавливаясь у лестницы. — Итак, новость первая: у нас нет деления на факультеты, потому что у вас нет магических способностей. Да и вас не то чтобы много, всего двадцать студентов. Поэтому учиться вы будете все вместе. У вас будет ряд обязательных дисциплин, а со второго семестра вы сможете выбрать те, которые станете изучать углубленно. Зимние каникулы — две недели,

летние — месяц. Традиционно студенты проводят их здесь же. Пока доедете домой, уже пора будет возвращаться, так что сидите смиренно, читайте, гуляйте в парке — он такой огромный, что мы однажды искали в нем неделю сбежавшего студента. Одним словом, все для вас!

Я не уставала удивляться. Судя по лицам моих однокурсников, у них была примерно та же реакция. Они слушали дракона, едва ли не разинув рты.

— Далее о правилах. — Ректор поднял вверх лапу. — Главное вы усвоили: вход в мою башню запрещен. Вход в башню преподавателей — тем более. Они все люди ранимые, и, в отличие от вас, у некоторых присутствует магия, поэтому получите пульсар в лоб — не обижайтесь. Родителям письмо с траурной лентой я напишу лично, у меня уже и шаблон есть.

Шаблон? Значит, случаи были? Очень захотелось сесть, пусть даже прямо на пол, потому что ноги не держали.

— Далее, — продолжал лорд Голд. — Не портите имущество академии. Оно уже не новое, а финансирование у нас не то чтобы очень радует. Хотите потом сидеть на разломанных стульях — сидите.

— А одежда? Она же за три года истреплется... — попыталась вставить одна из девушек.

— Ваши фривольные платьица оставьте пылиться в шкафу, — рыкнул дракон. — Там им самое место. Форма будет ждать вас в комнатах. Два комплекта на год. Порвете — зашивать будете сами, курсы кройки и шитья у нас тоже есть, без магии опре-

деленно не будут лишними. И главное: за вами никто не будет бегать с золотой ложкой. Прислуги не держим. Чистота в комнатах зависит только от вас. Не успели в столовую — остались голодными. Не выполнили вовремя задание — заработали штрафные баллы, получите отработку. У кого на конец семестра будет больше всего штрафных баллов...

— Выбывает? — с надеждой поинтересовался светловолосый юноша.

— Нет. Весь следующий семестр помогает сохранять чистоту в академии. Моет коридоры, вытирает пыль. Ничего зазорного, но попотеть придется, и учебу все равно никто не отменит. Следующий пункт. Отношения между студентами.

Понятное дело. Сейчас начнет рассказывать, что до конца учебы ни-ни, будто нас родители не воспитывали.

— Так вот, запрещать я вам ничего не буду, — снова огорошил ректор. — Хотите — влюбляйтесь, делайте своих родителей бабушками и дедушками. Только помните, что с ребенком вам никто помогать не будет. Никаких мамок-нянек, да и условий тут нет, а домой я вас не отправлю. Это касается не только мамаш, но и папаш, потому что переселю вас в комнату к орущему отпрыску, и разбирайтесь как хотите. Поэтому думайте головой и сохраняйтесь.

Да уж, после речи ректора заводить отношения до конца учебы расхотелось даже мне — учитывая, что я вообще их не планировала.

— А теперь я представлю вам человека, который на три года станет для вас матерью и отцом. К нему вы будете прибегать в слезах и соплях, требовать пропуск в ближайший город, жаловаться на коварных возлюбленных и просить займы до стипендии. Кстати, стипендия у вас достаточно высокая, на побрякушки хватит.

А меня больше заинтересовал пропуск в город. Хотя это логично. На три года необходимого не напасешься — хотя бы даже тех же средств гигиены. Да и развеяться тоже хочется. Ладно, выясним этот вопрос.

— Итак, ваш дражайший куратор, лорд Терренс Ларден.

Кто-то за нашей спиной тихонько кашлянул. Я обернулась и снова замерла. Стоит признать, куратор Ларден был демонически красив! Темные волосы, небрежно стянутые на затылке, огромные синие глаза в обрамлении пушистых ресниц, аккуратный нос. Облик портили лишь крепко поджатые губы. Сразу видно: куратор крепкий орешек, его так просто не возьмешь.

— Ух ты, — присвистнула Эвелина, о которой я уже успела подзабыть.

— Не «ух ты», барышня, — обернулся к ней куратор Ларден, — а ваш куратор.

Голос у него был низкий, глубокий.

— И попрошу обращаться ко мне «куратор Ларден», фамильярности я не потерплю!

Да уж, вряд ли к нему прибежишь за советом, подумалось мне. Вредный тип. Молодой, а высокомерный — едва ли нашему куратору больше тридцати.

— Теперь прошу за мной, — скомандовал Ларден и повел нас вверх по лестнице, как полки в атаку. Женская половина, впрочем, смотрела не под ноги, а на спину куратора — и не только на спину, потому что две девушки почти сразу растянулись на ступеньках. Терренс даже не сбавил шаг. Мне показалось, что он и вовсе пошел быстрее. А мы миновали второй этаж, свернули, прошли в очередную дверь и очутились у винтовой лестницы. Похоже, это наша башня. Интересно, здесь обитает только первый курс? Скорее всего: студенческих башен три, курсов тоже. Все сходится.

А вот подъемы и спуски по лестнице станут тяжелым испытанием. Я поняла это, когда успела запыхаться, выдохлась, а мы все еще не поднялись к нашим комнатам. А когда Ларден толкнул дверь в коридор, я готова была возблагодарить светлых дев!

— Женский этаж, — отчеканил он. — Юноши, ваш выше.

Послышался слаженный мужской вздох, а я почувствовала сильной половине нашей группы. Пока же Ларден продолжал вещать:

— Комната у каждой личная, всего десять комнат. При этом три уборные, три душевые. Ванная одна, она открыта только на выходных, а то знаю я вас. В остальное время довольствуйтесь душевыми. И привыкайте к самостоятельности, она вам

пригодится. Таблички с вашими именами на дверях, вещи уже в комнатах. До вечера вы свободны, в шесть жду у лестницы, я за вами приду и проведу экскурсию по территории академии.

Как мило с его стороны... Ларден пошел прочь, увлекая за собой парней, а я нашла свою фамилию на третьей двери от входа и ввалилась внутрь. Счастье-то какое! Впрочем, счастье быстро сменилось менее приятной эмоцией. Комната была обставлена достаточно скромно. Да, дома на мне поставили крест, но привычных радостей жизни не лишили. И удобная кровать относилась к одной из них. А здесь саму комнату можно было пройти шагов за пять. У стены притаилась узкая кровать, застеленная тонким одеялом. В другом углу — стол, на нем стопкой лежали учебники и письменные принадлежности. Два сундука с моими вещами занимали половину комнаты. Узкий шкаф явно не вместит и половины... Допустим, сундуки я сдвину под кровать, уже освободится место. Только уюта в этой комнатушке все равно не было ни на грамм. Стул — и тот был один. А если зайдет однокурсница? Даже присесть будет негде!

С другой стороны, на что я рассчитывала? Слухи об этом месте ходили разные, и хороших практически не было. Я подошла к узкому окошку. Под окнами был тот самый парк, больше походивший на лес. Да, заблудиться немудрено. В глубине парка виднелось какое-то строение, но через мутное стекло нельзя было разглядеть, какое имен-

но. Только возвышалась серая крыша. Поздравляю, Мелани! Теперь ты на три года заперта в этих стенах.

В двери негромко постучали. Я не удивилась, увидев на пороге Эвелину. Та тоже не выглядела сколько-нибудь счастливой.

— Это не комната, а каморка какая-то! — выпалила блондинка.

— Согласна. — Я отошла от двери, давая новой знакомой войти. — Представляю, какие тут душевые.

— Лучше не представлять, — поморщилась та. — Мой отец говорил, что здесь дают хорошее образование, но как-то мне слабо верится в это после всего увиденного. Академия явно бедствует. Ты обратила внимание, каким старым выглядит все вокруг? Не только в комнатах, но и в коридорах, и в холле. А вдруг тут обитают призраки? Бр-р-р!

— Мы их даже не увидим, в нас магии нет, — отмахнулась я.

— Если бы! Я дома один видела. — Эвелина понизила голос: — Поэтому не зарекайся. Уверена, в этом замке точно когда-то кого-то убили. Или ранили, или...

— Не нагоняй страха, — отмахнулась я от впечатлительной девушки.

— Зато ректор — очень интересный дракон, — хмыкнула та. — Как думаешь, если попросить у него чешуйку, он не откажет? Драконы ведь должны линять.

— Линять?

Я представила, как с ректора сыплется старая чешуя, а на ее месте вырастает новая, и стало смешно.

— Может, он и когти иногда стрижет? — продолжила мечтать Эвелина. — Вот бы коготок получить! Это ведь такой источник волшебства, и своей магии не надо.

— Боюсь, ректору твои планы на части его тела не понравятся, — хмыкнула я.

— Что-то я тоже этого опасаясь, — кивнула подруга по несчастью. — Эх, ладно, пойду разбирать вещи. Я, если что, в четвертой комнате живу, соседки.

Вот и отлично. Будет с кем перемолвиться словечком. Хотя за последние два года я привыкла молчать: меня никто ни о чем не спрашивал, не замечал, будто я была пустым местом. И лишь иногда близкие снисходили до ответов на мои собственные вопросы.

Я тоже открыла сундук и принялась развешивать платья в шкафу. Интересно, чему нас будут учить? Магии ведь ни у кого нет, основные науки мы выучили еще дома, когда нас готовили к более светлому будущему. Любопытно будет взглянуть на расписание. Я уже была уверена, что курсы рукоделия не выберу в качестве дополнительного предмета. Может, найдется что-то более интересное?

Как и предсказывала, в шкафу поместилась лишь половина вещей из первого сундука. Для вечернего выхода в свет выбрала темно-зеленое платье. А еще оценила комплекты формы: теплой, темно-корич-

невой, и более легкой, синей. Форменные платья казались невзрачными, бесцветными. И я даже начала подозревать, что ношенными, но убедиться в своей догадке не смогла. Кто же в таком признается?

Измотанная изнурительной дорогой и переживаниями, я легла и тут же провалилась в сон. А проснувшись от стука в дверь и поняла, что едва не проспала обещанную экскурсию по академии. Было бы скверно не знать, куда идти на пары. А может, будет какая-то вступительная церемония? Торжественный ужин? Хоть что-нибудь, чтобы отпраздновать начало этих длинных трех лет.

— Не спи, соня! — Эвелина казалась бодрой и свежей. Видимо, прекрасно отдохнула. — Нас ждет увлекательный вечер!

— Если ты о том, чтобы бегать по академии следом за куратором, не слишком-то он и увлекательный, — буркнула я, быстро заплетая волосы в косу. В отличие от однокурсницы, я выглядела так, будто не спала год. И, откровенно говоря, хотелось вернуться в постель.

— Да ладно тебе! Ты видела, какие у нас симпатичные парни в группе? — Эвелина цвела и сияла. — А главное, у них тоже магии нет, нос воротить не будут. Идем ловить свое счастье!

И потащила меня в холл, где назначил нам встречу куратор Ларден. Уверена, он был еще одной причиной такого рвения Эвелины. Слишком уж днем она на него заглядывалась.

Пусть мы и не опоздали, но вся группа уже была в сборе, не хватало только нас. Однокурсники молчали, исподлобья поглядывая друг на друга. Да, с нашим магическим положением особо ни с кем не подружишься. Я и сама не торопилась заводить знакомства. Эвелина не в счет. Похоже, ее семья спокойно относилась к магическим особенностям дочери. А в холл уже входил сам куратор Ларден. Он выглядел так же безупречно, как и утром. Я даже в чем-то понимала восторги Эвелины, но, после того как Алден меня предал, не горела желанием снова в кого-то влюбляться. Даже просто увлекаться, потому что иногда меня еще душила глухая тоска. И как с ней справиться, я не знала. С другой стороны, хорошо, что с Алденом все выяснилось до того, как я стала его женой. Разочароваться в любимом супруге, с которым ты связана магической клятвой, еще более горько.

— Вижу, все собрались. — Ларден окинул нас долгим взглядом, будто пересчитывая. — Следуйте за мной, я покажу вам основные достопримечательности академии, а потом провожу на ужин.

Странно, что до сих пор мы видели только преподавателей, а не студентов. Впрочем, вскоре эта странность развеялась: на втором этаже центральной части замка было шумно. Студенты в таких же форменных платьях и костюмах, как выдали нам, сновали туда-сюда. Они что-то обсуждали, поглядывая на нас с любопытством. Точно, учеба ведь еще не началась. Наверное, поэтому учебная часть замка казалась такой малооживленной.

— Сейчас у второго и третьего курсов начинаются собрания групп. — Ларден подтвердил мою догадку. — Будут выбирать старост на этот год, подавать заявки на дополнительные курсы. Поэтому так шумно.

Но здесь было много студентов! Если бы второй и третий курсы состояли из двадцати человек, как наш, то во всей академии насчитывалось бы всего шестьдесят студентов. Не сходится...

— Многие приезжают сюда в течение учебного года. — Ларден подтвердил мою догадку. — Сами, против воли родителей, потому что наш магический мир сложен для людей без магии. Поэтому не удивляйтесь, что второй и третий курсы больше вашего. Да и сам набор в предыдущие годы отличался — изначально мы принимали по пятьдесят студентов.

— Тогда почему в этом двадцать? — спросила Эвелина.

— Об этом стоит спрашивать не меня. — Ларден пожал плечами. — Что ж, приступим к нашей экскурсии. Здесь, на втором этаже, как вам уже говорили, находятся в основном залы для семинаров и практикумов. Также именно здесь вы сможете найти библиотеку — ее дверь в конце коридора. Комнаты для собраний курсов, куда сейчас направляются студенты, тоже на втором этаже. Я покажу вам нашу.

Куратор провел нас вдоль коридора и остановился перед дверью из темного дерева. За ней скрывался достаточно уютный зал. Вдоль стен стояли

мягкие стулья, напротив входа возвышалась небольшая трибуна. Окна были скрыты изящными занавесками, комнату озарял мягкий свет.

— Здесь мы соберемся завтра утром, ровно в восемь, — отчеканил Ларден. — Затем я провожу вас на первую лекцию, поэтому потрудитесь позавтракать раньше, а письменные принадлежности захватите с собой. Расписание уже лежит у каждого на столе.

В наши комнаты есть доступ для посторонних? Я поморщилась. Не хотелось бы, чтобы кто-то рылся в моих вещах. Но в открытую протестовать не стала — у академии свои устои, и мне только предстоит с ними познакомиться.

— Запомнили путь? Тогда я покажу вам третий этаж, — сказал куратор и снова повел нас по коридору. — На третьем этаже находятся тренировочные залы, а также комнаты отдыха, где студенты всех курсов могут собираться вместе и общаться. При этом в жилые башенки второго и третьего курсов вам нельзя, у каждого своя территория, не заходите на чужую.

На третьем этаже было уютно. Тут нашлись не только тренировочные, но и бальные залы. Значит, праздники в академии все-таки случаются.

— Официально учебный год начинается завтра, — проговорил Ларден. — Поэтому вечером состоится небольшой прием. Выгуляйте привезенные платья и забудьте о них до конца первого семестра, когда мы восславим светлых дев за новый год и вашу первую сданную сессию. А теперь — столовая!

Я заметила, что лестница ведет дальше, на четвертый этаж, но спрашивать, что там, не стала. Узнаю в свое время. Скорее всего там рабочие кабинеты преподавателей — им тоже надо где-то трудиться. А вот есть хотелось, целый день, считай, ничего не ела. Поэтому визит в столовую меня обрадовал. Это была большая просторная комната. Три длинных стола тянулись от одного края в другой, вдоль них стояли скамьи. У окошка выдачи уже стояла добродушная румяная женщина.

— Подходим ко мне, малыши. — Она помахала рукой, а я покосилась на однокурсников. И где она малышкой увидела?

Каждый взял поднос, и повариха поставила на него тарелку с манной кашей, блюдечко с булкой и стакан с компотом. Негусто, но пахло вкусно. Я уместилась рядом с Эвелиной. Парни, которые утром привлекли внимание, сидели напротив нас, и моя соседка, видимо, решила, что еда — прекрасный повод для знакомства.

— Эвелина, — представилась она.

— Клеменс, — ответил рыжеволосый. — А это Рейн.

Рейн... В переводе с южного диалекта — дождь. Что ж, ему подходит — утрюмый, как туча.

— Мелани, — откликнулась я.

— Откуда вы приехали? — уже выпытывала Эвелина. — Я местная, можно сказать.

— Юг, — ответил Клеменс. — Далековато забрались.

— О, да!

Только не похожи они на живых и вертких южан. Клеменс еще хоть как-то, а Рейн — вообще никак. Может, его родители были не оттуда? Мало ли.

— Ненавижу манную кашу, — признался Клеменс, открыто строя глазки Эвелине. Та рассмеялась:

— Я тоже, но что поделаешь? Голодать вредно для здоровья.

И взялась за ложку. Я отметила, что приятель Клеменса ест быстро, а главное — молча. Он вообще говорит?

— Приходите в гости, — уже приглашала Эвелина. — Моя комната под номером четыре, а Мелли в третьей живет.

Я не очень-то любила, когда кто-то сокращал мое имя. Мелли осталась в дне моего шестнадцатилетия, а Мелани была куда тверже и разочарованнее в людях. Даже самых близких.

— А наши пятая и шестая, — ответил Клеменс. — Я тоже буду рад гостям.

«Я буду рад». Не «мы». Это я тоже отметила.

Все были такие голодные, что ужин закончился быстро. Мы попрощались с новыми знакомыми и разошлись по своим этажам. Эвелина настойчиво намекала, что не против зайти ко мне в гости, но мне хотелось побыть одной и поразмыслить, поэтому я пожелала ей спокойной ночи и закрыла дверь комнаты.

На столе уже действительно лежало расписание. Пока что в нем значилось три лекции: «Теория эконо-

номики», «Теория психологии» и «Введение в домоводство». Вот последнее меня удивило. Что имеется в виду? Мы не станем наследниками наших родителей, у нас нет магии. Что ж, завтра получу ответ на свой вопрос и даже немного развеюсь. Вспомню, как это — танцевать. А пока спать! Потому что во сне исчезают все горести и радости, тают тревоги и печали.

Я сняла платье и надела тонкую сорочку, привезенную из дома. Одеяло казалось холодным, но быстро нагрелось от тепла моего тела. Я завернулась в него, как в кокон, закрыла глаза, однако долго еще лежала без сна. Думала о доме. О том, что скучаю, пусть мне и было там плохо. И при этом была уверена, что никто не скучает по мне.

Глава 3

ОТ ЛЕКЦИИ ДО ЛЕКЦИИ

Серый свет лился в окна, когда я открыла глаза. И не поймешь, то ли светает, то ли уже давно наступило утро. Я поднялась и подошла к окошку. Да, давно рассвело, но в этих краях солнце казалось неярким, подернутым туманной дымкой. Может, конечно, это только сегодняшний день выдался таким пасмурным. А может, это в принципе особенности местной погоды. Часы показывали, что у меня есть сорок минут, чтобы собраться и позавтракать, поэтому я натянула домашнее платье и поспешила

в душевую. Однако никак не ожидала, что все мои однокурсницы уже здесь и толпятся перед тремя кабинками, в которых кто-то есть.

— Лилиан, выходи! — стучала в одну из кабинок Эвелина.

— Мартина! — звала русоволосая девушка у другой.

— Идите к темным братьям! — раздалось из третьей кабинки.

Всем хотелось принять душ, и никто не соби­рался торопиться. Я подумала, подумала — и сбежала в столовую. Потом вернусь и вымоюсь, пока девушки будут завтракать. Правда, я рассчитывала, что в столовой и вовсе никого не будет, поэтому небрежно заколола волосы и переодеваться во что-то более приличное не стала. Платье-то было достойное, удобное, но не для выходов в свет. А за нашим столом сидели все десять парней-однокурсников и мирно жевали. Я уже готова была отступить, но потом плюнула на все и пошла к окошку раздачи.

— Доброе утро, — поприветствовала повариху.

— Доброе утро, деточка, — ответила та, выделяя мне порцию оладушек, блюдечко с джемом и чашку чая. — Что-то ваши опаздывают.

— Сражаются за воду в душе, — улыбнулась я, и повариха рассмеялась в ответ.

— Уверена, это будет достойный бой, — подмигнула она. — Присаживайся, милая. Приятного аппетита.

— Благодарю.

Я подхватила поднос и села за стол.

— А остальные что, не голодные? — тут же поинтересовался Клеменс.

— Здравствуйте, Мелани, — внезапно заговорил Рейн, и я чуть приборы не выронила. Уже привыкла, что он все время молчит.

— Здравствуйте, Рейн, — кивнула ему. — Всем приятного аппетита.

И впилась в оладушек. Кто-то любит много есть на ужин, я же всегда голодная с утра, поэтому быстро справилась с завтраком, и когда относила посуду, в столовую потянулись остальные девушки. Я же быстренько вернулась на наш этаж, влетела в душ и... Вода была прохладной, если не сказать — ледяной. Стуча зубами, быстро обмылась, прополоскала рот травяным отваром, заготовленным на полочке. Да чтоб им всем... Настроение, и без того пока не радужное, покатило куда-то вниз. Я быстро натянула форму и поспешила в холл, отмечая, что одежда удобная и точно по размеру. И снова картина повторилась: десять парней и я одна. Видимо, дамы еще завтракали.

— О, и снова здравствуй, — помахал мне Клеменс. — Что-то мы слишком часто встречаемся этим утром, красавица.

Тоже мне, красавицу нашел! В синем наглухо застегнутом платье, с собранными в «улитку» волосами, потому что на скорую руку соорудить что-то более достойное я не могла. Надо завтра проснуться как можно раньше! Иначе так и буду ходить как пугало.

А куратор Ларден уже шел к нам. Окинул взглядом одиннадцать человек вместо двадцати, усмехнулся с легкой иронией и скомандовал:

— Отстающих не ждем, пусть добираются сами. За мной!

И широким шагом двинулся к лестнице. Мы поспешили за ним. В последнюю минуту нас догнали Эвелина и русоволосая девушка, имени которой я пока не знала.

— Татиана, — представилась та.

— Мелани, — ответила я.

На втором этаже мы свернули налево и остановились у одной из дверей. А я только сейчас задумалась о том, что столы второго и третьего курсов были пусты. У них завтрак состоится позднее? Или, наоборот, был раньше?

— Проходите, присаживайтесь, — скомандовал куратор, дождался, пока мы рассядемся на убегающих вверх рядах, и запер дверь. Ух ты!

— Не терплю опозданий, — прокомментировал он, поправляя и так идеальный костюм. — Что ж, леди и лорды, с сегодняшнего дня вы здесь просто студенты. Забудьте обо всем, что было до академии. Уверю, вам не скоро понадобится вспомнить об этом.

Кто-то задергал ручку двери, раздались голоса, но куратор не отвлекался от своей речи.

— Я буду преподавать у вас такой, безусловно, нужный предмет, как теорию экономики, — продолжил он. — Зачем она вам? Вполне резонный вопрос. Я отвечу. У кого-то есть братья и сестры,

у кого-то нет, и вы единственные наследники своих родителей. Как бы там ни было, после окончания академии вы вряд ли вернетесь под родительское крыло, и вам придется заново строить свою жизнь. Обустроить свое имение. А без знания экономики вы этого сделать не сможете. Опять-таки, кто знает? Возможно, вы выберете для себя такую профессиональную сферу, как банковское дело. Оно как раз не требует магии. Но это уже будет отдельный курс, на который вы сможете записаться во втором семестре, а пока... Пишем!

Он так резко хлопнул в ладоши, что я даже вздрогнула. Дверь задергали сильнее, потом почему-то раздались еще более громкие голоса. Что происходит? Мне было любопытно, однако куратор диктовал так быстро, что я едва успевала писать, и о судьбе однокурсниц пришлось забыть. От определений мы перешли к истории экономики и людям, заложившим основы этой науки. Никто не болтал: времени на разговоры тоже не было, и в конце пары у меня болела рука — так много мы написали.

— Выучить до завтра, — скомандовал куратор, подошел к двери и наконец-то ее открыл.

Пунцовые девушки толпились в коридоре. Мы потянулись за куратором, и я разглядела на запястьях однокурсниц яркие красные кружочки — будто краской нанесенные.

— Взгляните, — сказал Ларден, указывая на руку одной из девушек. — Это знаки, говорящие о том, что вы где-то провинились. Соберете три печати —

будете наказаны. Уверяю, наказание вам не понравится. После перерыва вас ожидают в аудитории двести три. Запомнили? Свободны.

И пошел прочь.

— Где вы были? — Мы тут же обступили девушек.

— У ректора. — Те едва не плакали. — Он сказал, что печати смоются только нашей кровью.

Да, очень в стиле дракона. Я взяла на заметку, что правила академии лучше выполнять неукоснительно, иначе быть беде. И, чтобы снова не опоздать, мы дружно потянулись в указанную аудиторию. Действительно, кроме нас, других студентов в коридоре не было. Значит, у них занятия еще не начались — или же проходят где-то еще.

В аудитории двести три тоже скрывался лекционный зал. Ряды маленьких парт на одного поднимались по ступенькам выше и выше. Я заняла место во втором ряду. Справа присела Эвелина, слева — Клеменс и Рейн. Все та же компания.

— От экономики у меня зубная боль, — пожаловался рыжеволосый.

— А у меня головная, — уныло пробормотала Эвелина. — Кстати, Клеменс...

— Можете звать Лем, как друзья, — улыбнулся тот. — Мне привычнее.

— Хорошо, Лем. Как ты думаешь, зачем нам основы психологии?

— Ну, сражаться магией мы не можем. — Лем и вовсе развеселился. — А так хоть зубы врагу заговорим!

Представила себе картину: неприятель с пульсарами на кончиках пальцев, а напротив — Лем, вещающий: «Вас что-то беспокоит? Давайте это обсудим!»

Уморительная картина! Я тоже заулыбалась. Но действительно, пока что набор предметов в академии удивлял. Я ожидала чего-то другого.

— Думаю, дело не в этом, — вмешался в нашу беседу молчун Рейн. — Мы не сможем прочитать кого-то магически, определить его намерения, тип силы, друг это или враг. Значит, надо учиться читать по лицу, жестам, поведению. И просчитывать, каким образом действовать нам самим.

— Все-то ты знаешь, друг мой. — Лем похлопал его по плечу. — Иногда это так скучно!

Рейн ничего не ответил. А вскоре переливы невидимых колокольчиков возвестили, что лекция начинается. В ту же секунду отворилась дверь и на пороге замерла леди примечательной наружности. На ней было укороченное платье, за которое в столице наградили бы не самыми лестными эпитетами, и высокие сапоги. Волосы ярко-рыжего цвета были собраны в хвост, в ушах покачивались круглые золотые серьги.

— Вот это да! — пробормотала Эвелина.

— Не «вот это да», а леди Шарлотта Дафнер, — обернулась к ней странная дама. — Профессор психологии. Многие из вас наверняка спрашивают себя, зачем вам эта, без сомнения, простая и бессмысленная наука.

Именно об этом мы и говорили, подумалось мне.

— Так вот... — Шарлотта обвела аудиторию тяжелым, совсем не женским взглядом. — Пока что мы будем говорить об азах, но, если вы выберете дополнительный курс, мы обсудим теорию конфликтов, умение читать по лицу, позе, жестам. Одним словом, любой человек станет для вас открытой книгой. Поэтому не советую пренебрегать моими лекциями и практикумами. А если у вас все-таки появится такое желание, помните, что сессия придет очень быстро и слушать ваш жалкий лепет я не собираюсь. Пишем!

И мы писали, пока не задымились ручки. Мне казалось, что чернила сейчас закипят, потому что Шарлотта диктовала, не останавливаясь. Она ни разу не взглянула в свои записи, чеканя основные этапы развития психологии в нашей стране. И, стоит признать, ее рассказ мне понравился. Я даже задумалась о том, чтобы записаться на дополнительный курс во втором семестре. Если, конечно, успешно сдам сессию. Хотя даже если провалюсь, вряд ли меня отправят домой. Скорее всего, буду сдавать, пока ноги держат и язык ворочается во рту.

После второй лекции был объявлен обеденный перерыв. Как-то само так сложилось, что мы с Эвелиной объединились с Рейном и Лемом. Наверное, так и рождается дружба, хотя в нашем случае даже о приятельских отношениях говорить рано. Вчетвером мы направились в столовую. Оттуда доносился умопомрачительный аромат супа с приправами. Я даже сглотнула слюну. Вообще, ко всему можно

привыкнуть. И к этой академии тоже, пусть условия в ней и оставляли желать лучшего.

На этот раз в столовой не было пусто. Второй и третий курсы уже усиленно работали ложками. Мы удостоились нескольких любопытных взглядов, но никто с нами не заговаривал и ни о чем не спрашивал. Я разглядела только, что на синей форме старшекурсников приколот значок — золотой дракон, расплавленный крылья. Интересно, нам выдадут такой же?

Однако тарелка наваристого супа и каша с мясом прервали мои размышления о драконах, вернув к вполне насущной проблеме — голоду. Я заметила, что Эвелина ест мало, как птичка. Так и положено изысканным леди. А я больше не чувствовала себя леди. Сказано, отбросить все предрассудки! Вот и отбросила, сначала проглотив суп, а затем кашу. Булочка, выданная к чаю, уже показалась лишней, и я забрала ее с собой.

— Боишься, что ужином нас не накормят? — усмехнулся Лем.

— Ужин, скорее всего, будет уже после праздничной церемонии, — ответила я. — А значит, до него еще очень и очень долго.

Лем подумал и тоже завернул булку в салфетку, а затем спрятал в сумку. Сумки нам, кстати, тоже выделили одинаковые — из мягкой коричневой кожи, достаточно вместительные и удобные.

— Эх, еще одна лекция! — потянулся Лем, когда мы поднялись из-за стола. — Ладно вам, дамы, а нам-то зачем домоводство?

— Думаю, на лекции тебе подробно ответят на этот вопрос, — рассмеялась я, представив Лема с вышивкой в руках. А лучше Рейна! К его мрачной физиономии — самое оно.

— Уже боюсь! — улыбнулся в ответ наш рыжеволосый товарищ. — Впрочем, настоящего мужчину трудности никогда не пугают. За мной, дружище Рейн! Покорим рубеж домоводства с гордо поднятыми головами!

И зашагал к последней на сегодня аудитории. Нам оставалось только поспешить за ним. Вообще, я быстро привыкла к своим новым товарищам: неугомонной Эвелине, порывистому Клеменсу и угрюмому Рейну. Рядом с ними было... спокойно. Именно так я себя давно уже не чувствовала в родном доме.

А третья аудитория отличалась от первых двух. Здесь не было длинных скамеек, а стояли столы. Вокруг каждого — по четыре стула. Мы тут же облюбовали себе место у окна, откуда было хорошо видно и аудиторию, и кафедру, пока что пустую.

Впрочем, пустовала она недолго, и по очередному сигналу появился наш профессор. Я ожидала увидеть девушку. Домоводство ассоциировалось у меня с нашей экономкой Мартиной. Она, казалось, умела все на свете: шить, вязать, вести хозяйство, командовать слугами. Даже готовила, хотя у нас и были кухарки. И я особенно любила стряпню Мартины. Но, вопреки моим ожиданиям, в аудиторию вошел коренастый мужчина лет сорока с густой бородой и усищами, насупленными бровями и с носом картошкой.

— Господин Фитц, — тут же отрекомендовался он. — И я буду преподавать вам основы домоводства. Так вот, цыплятки мои, я читаю в ваших глазах вопрос: зачем вам, деткам не самых бедных родителей, пусть и лишенным магии, умение вести хозяйство? А затем, чтобы... А! Не быть идиотами. Бэ! Не дать облапошить себя тем, у кого магия есть. Вэ! Вести свои дела самостоятельно, заботиться о семье, строить свою жизнь, не оглядываясь на слуг и помощников. В вашем положении доверять никому нельзя. Юношей и девушек без магии почему-то принято считать слабыми. Так вот! Ничего подобного. Нет в вас ни грамма слабости, и если не можете тренироваться магически, тренируйтесь физически и умственно. Поэтому отныне домоводство станет вашим любимым, обожаемым предметом. А вы, мои курочки, самыми прилежными студентами на свете. Потому что тем, кто будет хлопать ушами, не поздоровится. Моя супруга ведет тренировки по физической подготовке. Поверьте, вам не захочется с ней ссориться.

Я, откровенно признаться, ошалела от такого натиска. Поэтому первую лекцию конспектировала тщательнее некуда. Она действительно была интересной: профессор Фитц рассказывал, как управляли хозяйством сто, двести, триста лет назад. Что изменилось, а что, наоборот, осталось неизменным. В итоге я отложила ручку и просто слушала, едва ли не открыв рот. Наша группа притихла, притаилась, внимая каждому слову профессора Фитца. А он

рассказывал самозабвенно, с примерами, документальными подтверждениями. Сразу было видно, что в домоводстве он как рыба в воде. Непередаваемо!

— Начинаю подумывать стать домохозяйкой, — подмигнул мне Лем.

Я улыбнулась, представив его в фартуке и чепце. Да уж, картина та еще! Однако и мне было интересно слушать. С последней лекции мы вышли под впечатлением. Кто-то посмеивался над предметом, который преподает грозный господин Фитц, но не наша четверка. Внешность обманчива. Я уже убедилась в этом на примере моего жениха Алдена, и профессор Фитц только подтвердил правило.

— Дамы, надеюсь, сегодня вечером вы составите нам пару? — поинтересовался Клеменс, когда мы уже добрались до «женского» этажа.

— С удовольствием, — ответила Эвелина.

Я тоже согласилась, хотя вроде бы являться парами никто не призывал. Однако почему нет? После двух лет почти полной изоляции мне хотелось общения. Хоть какой-то радости, поэтому я была только за.

— Тогда мы зайдем за вами в половине шестого, — поклонился нам Лем. — Чтобы у вас осталось еще хотя бы четверть часа припудрить носики, а то знаем мы вас!

Рейн стоял рядом молча, будто все, что говорил его друг, самого его нисколько не касалось, однако и не противоречил. Да, странная парочка друзей, что ни говори. Они такие разные!

— Мы будем готовы. — Эвелина задрала подбородок и распрямила плечи. — Ровно в половине шестого встречаемся на этом же месте.

И зашагала к своей комнате горделиво, как полководец, только что выигравший сражение. Я же наскоро попрощалась с парнями и поспешила к себе. У меня оставалось два часа на отдых, а впереди маячил главный вопрос: какое платье надеть? Потому что, как сказал куратор, в ближайшие месяцы нам положена только форма.

Глава 4

БАЛ И ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

На моем гардеробе родители не экономили, но, конечно же, в академию удалось увезти немного, поэтому платьев, подходящих для бала, оказалось всего два, и одно из них так измялось, что впору было записываться на дополнительный курс глажки: сама я его в порядок не приведу. Второе, ярко-голубое, было моим любимым. Именно в нем я последний раз была на балу накануне шестнадцатилетия. Многослойная юбка казалась воздушной и легкой, лиф украшали мелкие бледные розочки. Правда, чтобы переодеться, пришлось звать на помощь Эвелину. Она заахала, увидев мое платье, и помогла затянуть шнуровку. Я оказала ей ту же услугу — Эви была необычайно хороша в бледно-розовом цвете. Только вот что делать с волосами?

Однако и тут помогла новоприобретенная подруга. Она заплела мои волосы в две косы и причудливо уложила вокруг головы, оставив лишь несколько игривых локонов. Увы, здесь я уже ничем не могла ей пособить, но Эвелина справилась и сама, соорудив на голове настоящее чудо из локонов и заколок.

— Ты красавица, — рассмеялась я, чувствуя, как повышается настроение.

— И ты не меньше! — воскликнула Эви, и мы закружились по комнате, взявшись за руки. Это завтра будут серые учебные будни, а сегодня у нас праздник, пусть я совсем его не ждала.

Когда мы вышли в коридор, откуда-то долетали звуки музыки. Интересно, кто играет? Пригласили музыкантов из ближайшего городка? Да, скорее всего.

Лем и Рейн уже ждали нас на лестнице. Оба в похожих серых сюртуках, только у Клеменса темнее, а у Рейна — светло-жемчужного оттенка. Рыжеволосый улыбался, его друг привычно был угрюм, но при этом Рейн не отталкивал. Наоборот, находиться рядом с ним было приятно, а я и сама сейчас вряд ли была образцом общительности.

— О, вы прекрасны, леди! — воскликнул Клеменс, целуя наши ручки. — Скажи же, Рейн?

— Да, — коротко ответил тот и предложил мне руку, а Эви взяла под локоть Лема.

Вот так двумя парами мы и прошли в бальный зал. Здесь сияли огни и переливались звуки скри-

пок. Небольшой оркестр разместился на балкончике, и казалось, что весь зал парит в этих звуках, кружится и летит.

Я так давно не бывала на праздниках! Сейчас происходящее казалось сладким сном. Хотелось насладиться этим вечером до последней капли. И Рейн был прекрасным спутником: ни о чем не спрашивал, не пытался угодить, не навязывался. Он просто шел рядом, и мне этого хватало.

— Ух ты! — восхищенно вымолвила Эвелина. — У нас дома бальный зал куда меньше и скромнее.

— У нас больше, — откликнулась я. — Но здесь гораздо уютнее.

Потому что тут я — одна из многих таких же, а не отброс, подумалось с горечью. Однако сегодня не надо грустить! Мы пробились к группе первокурсников, щебетавшей вокруг куратора.

— Скоро ректор объявит начало праздника, — уловила я его фразу. — И тогда начнется бал.

Только я подумала, сколько нам придется ждать, как свет огней задрожал, а мои волосы подхватил ветерок, поднявшийся от драконьих крыльев. Ректор Голд влетел через центральные двери, величественно проплыл круг по залу и приземлился на площадку в самом центре, украшенную осенними листьями и цветами. Раздались приветственные аплодисменты. Мы потянулись ближе к площадке, чтобы ничего не упустить.

— Господа студенты, — рыкнул дракон, и облачко пара зависло у его носа. Это выглядело до того

забавно! — Сегодня мы даем старт новому учебному году. Для третьекурсников он станет последним в стенах академии, для первокурсников — самым началом их обучения. Мы рады приветствовать в нашей семье двадцать юношей и девушек.. То есть двадцать одного.

К нам прибавился еще кто-то? Я огляделась по сторонам, но никого подходящего не увидела. Нас по-прежнему было двадцать.

— Веселитесь, танцуйте, пейте шампань, — продолжал дракон. — Только помните, что утром пары и опоздавших ждет штрафная метка. Не зарабатывайте неприятности на свои головушки с первых же дней. Объявляю бал начала учебного года открытым!

Музыка заиграла громче. Дракон взмыл в воздух, окончательно растрепав мою прическу, и улетел, а вокруг уже образовывались первые пары.

— Потанцуем? — Лем протянул руку Эвелине.

— С радостью, — ответила она, и друзья умчались, оставив меня с Рейном.

Он покосился на меня. Может, не умеет танцевать? Или не любит? Я о нем вообще ничего не знаю. Но Рейн все-таки поклонился мне.

— Могу я пригласить тебя на танец? — спросил сдержанно.

— Да, конечно, — ответила я, сжимая его прохладную ладонь.

Стоит признать: танцевал Рейн божественно. А я, кажется, и вовсе разучилась, потому что пару раз едва не наступила ему на ногу. Мы вальсирова-

ли по залитому светом залу, отражаясь в зеркалах. На фоне Рейна я казалась слишком яркой в своем голубом платье. Будто бабочка и замерзшая зимняя ветка, которая вряд ли расцветет по весне. Говорить ни о чем не хотелось. Только слушать музыку, отдаваясь ее плавным ритмам, и чувствовать себя свободной. Такое забытое ощущение... Словно эти два года я томилась в клетке, а сейчас вырвалась на волю.

Когда музыка затихла, с моих губ сорвался вздох разочарования, но мой партнер, кажется, ничего не заметил и не собирался приглашать меня на следующий танец. Вместо этого мы отошли к окну. Снаружи начался дождь, слышался едва уловимый перестук капель. Насколько знаю, на севере раньше холодает и начинается зима, чем в столице. Я прислушивалась к этому перестуку, а Рейн стоял рядом. Молчание затягивалось.

— Рейн — это твое полное имя? — спросила я, а мой собеседник едва ли не вздрогнул.

— Почему ты спрашиваешь? — уточнил он.

— Просто подумалось... Рейн — значит «дождь». Тебя специально так называли или тебе нравится именно эта форма?

— Второе, — ответил мой собеседник, при этом полного имени не назвал. Забавно и загадочно. Похоже, все мы тут со своими секретами.

— Вы давно дружите с Клеменсом?

— С детства, — сказал Рейн. — Помню его столько же, сколько себя самого.